

МИФОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ПРОЗЕ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Шумская Лилия Михайловна,

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы;

Комарова Ирина Константиновна,

Гродненский филиал ЧУО «БИП-Институт правоведения»

(г. Гродно, Беларусь)

В статье рассматриваются особенности символистского мифа в процессе создания Д.С. Мережковским авторской модели мира, включающей мифологию «богочеловек» и «богочеловечество».

Традиционно считается, что обретение смысла человеческого существования, выработка соответствующих идеальных представлений о перспективе будущего развития, происходит через прямое утверждение высших идеалов, норм, идей, установлений. Однако обращение к мифам в литературе Серебряного века позволяет использовать многочисленные приемы аналогий, параллелей, игр. Понимание диалектики рационального и иррациональных начал, демонического и сакрального в душе человека, эстетизация зла, восприятие мира как театра обуславливает выбор своеобразных художественных средств. Русские символисты в этих условиях обращаются к мифу, который удерживает и сохраняет положительный опыт в виде устойчивых связей между поколениями и эпохами, фиксирует преобразование человека в направлении к совершенно иной цели жизни, обретение истинного пути как исполнения Божьей воли. Влиянием мифа, способным гармонизировать общественную сферу жизни людей, объясняется поиск вечных, незыблемых основ мироздания, стремление обнаружить непреходящие ценности человеческой жизни. Именно миф заключает в себе способность подчеркнуть идею преемственности, гармонично соединить элементы памяти и фантазии, стать одним из способов обновления культуры. Обращаясь к этой универсальной модели, они выдвигают главный принцип реформирования искусства – «утверждение символического характера любого подлинного искусства (религии)», моделируют действительность по законам мифологического мышления [1, с. 71].

Одним из основоположников индивидуального символистского мифа становится Д.С. Мережковский. В основе художественного мышления писателя лежит индивидуальный миф, а все элементы художественной системы подчинены «высшей» идее, функционально и идейно переосмыслены и иллюстрируют мифологию «богочеловек», «богочеловечество». Как в начале века, так и в эмиграции в центре внимания творчества Мережковского – личность, сверхчеловек, которому предстоит общение с Богом для последующего изменения собственной природы в богочеловеческую. Безличность, по мнению писателя, главная негативная черта людей, разделенных на «реальнейших» («сущих») и «не сущих». «Доброе семя – настоящие люди – те, у кого высокое лицо – личность, образ и подобие Божье, а «плевелы» – те, у кого вместо лица только пустая личина и вместо действительного бытия мнимое. Первые могут грешить, падать, погибать, но погибнуть не могут, потому что они есть, а вторые ни спастись, ни погибнуть не могут, потому что их нет» [2, с. 5].

В обосновании концепции мира основной акцент писателем делается на наличии «Ума» и «Демидурга», добра и зла. Одним из путей к богочеловечеству является Вселенская церковь, которая должна осуществиться через объединение всех христианских церквей: православной, католической и протестантской. В мировой истории Мережковский видит последовательную смену Трех Заветов. После первых двух Заветов: «Отца» (язычества и иудаизма) и «Сына» (христианства) наступает «Третье Царство Духа», «Царство Божие на земле», «Третий Завет», «Завет Духа-Матери» грядущего богочеловечества. Именно в Третьем Завете Духа, по мнению писателя, происходит восстановление утраченного единства. «Дух-Матери» в произведениях разных лет имеет разные названия: «Третье Царство» в «Юлиане Отступнике», «Третье Царство Духа» в «Данте», «Третий Рим» в «Царстве Зверя». Свой миф о Духе-Матери Мережковский не просто переносит вовне. Содержание субъективного мифа-представления базируется на уже известных, апробированных образах Отца, Матери, Святого Духа. В сознании читателя на этой основе формируется если не идентичное, то весьма схожее с исходным представление. На практике это означает включение носителей сознания в процесс коммуникации [3, с. 47].

Мережковский обращается к тем историческим персонажам, в судьбе и учении которых наиболее полно воплотились мифологемы его символистского мифа. Одной из главных характеристик персонажа является уподобление архетипу европейской культуры, мифическому герою. Многократно повторяясь, сравнение героя с мифологическим существом становится лейтмотивом романов писателя. Герои уподобляются Янусу, Пану, Прометею (Леонардо да Винчи), Орфею, Пифагору (Максим Эфесский), Антихристу (Петр 1), Аполлону (Петр 1, Николай 1). К мифологеме богини-матери Мережковский впервые обращается в «Леонардо да Винчи». В трактатах «Тайна Трех» и «Тайна Запада» представлены языческие богини-матери, соответствующие умирающим-воскресающим богам: Изиды воскрешает Озириса, Иштар – Таммуза, Кибела – Аттиса, Афродита – Адониса, Анагита – Митру и Деметра – Диониса. Возведение к определенному архетипу, в основном языческому богу или богине, отражает стремление героя стать богочеловеком. Герой, стремящийся стать Богом, центральный, сюжетобразующий для всех произведений Мережковского; высшей его целью становится такое же изменение всего человечества, превращение в богочеловечество, установление Царства Божьего на земле, «Третьего Завета». Не случайно в «Юлиане Отступнике» Максим в первом диалоге благословляет своего ученика на жизнь и величие. Именно здесь впервые появляется тема примирения двух истин: «Соедини, если можешь, правду Титана с правдой Галилеянина» [4, с. 83]. В последнем же разговоре с Юлианом Максим благословляет его на смерть «за неведомого, за Грядущего, за Антихриста» [4, с. 222]. Таким образом, героические мифы в образной форме отражают модель требуемых поступков. Герой того или иного мифа, позитивно воспринимаемый значимыми «другими», сам приобретает статус эталона для подражания.

Единый миф Мережковского определяет и единство сюжета, связанного с главным героем. Ключевая мифологема Мережковского – «богочеловечество» – проявляется в микросюжете, иллюстрирующем попытку героя достичь богоподобия и привести к нему других людей. Так, в трилогии «Христос и Антихрист»

Мережковский демонстрирует величие Петра 1, воспринимаемого как Демиург, Великий Кормчий, работающего так, как будто в нем было «что-то нечеловеческое, над людьми и стихиями властное, сильное, как рок» [5 с. 474]. Вместе с тем, писатель представляет Петра 1 и как царя-Антихриста. Миф об этом реализуется в трагедии сыноубийства, мотиве нарушенного самовластия личности и гонениях на раскольников.

Таким образом, для прозаического творчества Мережковского характерна установка на миф, которая становится способом самоидентификации писателя. Писатель использует мифологический материал, который актуализируется в художественных произведениях посредством осмысления культурных традиций Античности и создания коммуникативных кодов эпохи. Он использует темы, сюжеты, идентичные культуре прошлого, безграничные значения которых объясняются коммуникативными кодами авторской модели мира и выступают в качестве культурных медиаторов, создающих универсальную знаковую систему.

Мережковский не прямо декларирует идеалы, образцы для подражания, а дает объяснения, «почему» программы деятельности таковы. Он добивается убедительности, совмещая горизонты социального и идеального: указывает, какими должны быть люди для сохранения социального целого, и объективирует те или иные нужные качества в повседневных поступках, связанных с культовой обрядностью, предписываемыми межличностными взаимодействиями, этикетными правилами. Мережковский приписывает значимые блага в Царстве Третьего Завета (помощь богов, загробное блаженство, человеческое уважение, правильную судьбу) конкретным программам в качестве результата.

Литература

1. Флоренский, П.А. Философия культа. Опыт православной антропологии / П.А. Флоренский // М.: Мысль, 2004. – 232 с.
2. Мережковский, Д.С. Реформаторы: Лютер, Кальвин, Паскаль. – Томск: Водолей. – 447 с.
3. Тихонова, С. В. Социально-онтологический статус мифа / С.В. Тихонова // Философия и общество. – 2008. – № 3. – С. 45–51.
4. Мережковский, Д.С. Собр. соч.: в 4 т. / Д. С. Мережковский. – М.: Правда, 1990. – Т. 1. – 591 с.
5. Мережковский, Д. С. Собр. соч.: в 4 т. / Д. С. Мережковский. – М.: Правда, 1990. – Т. 2. – 764 с.